

Однако сегодня Фэн Чанхай искренне жалел, что не разорвал своей дочери её никчёмную пасть, которая умела только сеять смуту!

Но сейчас даже Фэн Яоя было не до того, чтобы мысленно аплодировать своей сестре. Всё её внимание поглотили слова отца — великий... то есть великая... она и есть Седьмая принцесса?!

Видя, как Фэн Чанхай, дрожа от страха, ждёт ответа, Янь Лян наконец тихо рассмеялась, разрывая мёртвую тишину зала:

— Господин начальник округа, вы говорите так, будто я какая-то кровожадная злодейка.

Холодный пот залил всю спину Фэн Чанхая.

— Конечно нет! Ни в коем случае!

Не сходя с колен, он, не задумываясь, занёс руку для пощёчины:

— Этот чиновник заслуживает смерти! Заслуживает!

Затем он попытался бросить умоляющий взгляд на Фэн Яоя, надеясь, что та замолвит за него словечко.

Во всём зале лишь Фэн Яоя была одета в роскошные одежды и стояла не шелохнувшись. К тому же Седьмая принцесса никогда не бывала в Тунчжоу. Если бы Фэн Жунжун одна навлекла на себя гнев принцессы, это ещё куда ни шло — Фэн Чанхай знал характер своей любимицы, та вечно задирала нос и искала приключений.

Но сейчас Седьмая принцесса полностью игнорировала Фэн Жунжун, зато явно нацелилась на госпожу Сунь — иначе почему из трёх разбитых подвесок две оказались у её ног, и одна из них — императорский символ принцессы?!

Фэн Яоя...

Звонкая пощёчина Фэн Чанхая заставила её сердце ёкнуть.

Этот человек, всегда высокомерный и презрительный к ней, считавший её чем-то вроде букашки, теперь так раболопно падал ниц перед другой и без колебаний отдавал на расправу свою любимую дочь...

Пусть Фэн Жунжун была не ангелом, но она была его родной дочерью, которую он всегда баловал и которая умела быть милой и сладкой!

Если говорить о страданиях Фэн Яоя в доме Фэн, то главным их источником был именно Фэн Чанхай. Будь в нём хоть капля отцовской жалости, прежняя Фэн Яоя не умерла бы в задних покоях, а нынешнюю не довели бы до отчаяния.

Но сейчас в её сердце не было ни радости отмщения, ни торжества над врагом. Лишь леденящий холод.

Янь Лян, бросив взгляд на выражение лица Фэн Яоя, поняла, о чём думает эта шестая мисс, у которой вечно не хватало сообразительности. Она лениво хлопнула в ладоши:

— Господин начальник округа, это ваше семейное дело. Какое мне до него дело?

— Да-да-да! — Фэн Чанхай поспешно ударил лбом об пол ещё несколько раз. — Седьмая принцесса великодушна! Этот чиновник непременно сурово накажет свою непокорную дочь и злобную жену!

Фэн Яояо...

Великий просто сказал, что ей неохота вмешиваться, и пусть Фэн Чанхай сам разбирается. А он уже торопится обрушить кару на Фэн Жунжун и даже на свою жену...

Фэн Яояо отвела взгляд от лежащего на полу сверкающего чиновничьего облачения.

Чтобы умилостивить Янь Лян, Фэн Чанхай назначил госпоже Сунь и Фэн Жунжун столь суровое наказание, что с этого дня в Тунчжоу больше не будет ни той, ни другой.

Впрочем, ни Янь Лян, ни Фэн Яояо это не интересовало. Теперь Янь Лян была почётной гостьей в доме Фэн, и Фэн Чанхай усердно старался ей угодить. Даже Фэн Яояо испытала непривычную для себя заботу со стороны отца.

Фэн Яояо...

Братец, прошу тебя, остановись! Видеть твою отеческую улыбку — это выше моих сил!

Фэн Яояо была на грани нервного срыва, с нетерпением ожидая, когда великий... то есть Седьмая принцесса закончит омовение и вернётся.

Именно так: сейчас она сидела вместе с отцом и несколькими невидимыми слугами в самом почётном зале дома Фэн, ожидая возвращения Янь Лян, которую жёны двух других ветвей семьи сопровождали для купания и переодевания.

Семья Янь славилась красавицами, и лицо, которое видел Фэн Чанхай, явно не было настоящим. Поэтому, когда главная служанка, получив намёк хозяина, осторожно спросила, не желает ли принцесса переодеться, Янь Лян, подумав, что теперь скрываться незачем, кивнула. Фэн Чанхай немедленно вызвал двух самых достойных жён из других ветвей.

Фэн Чанхай в доме Фэн был всемогущ, и жёны первой и второй ветвей беспрекословно выполнили приказ. А узнав истинную личность Янь Лян, любое нежелание тут же испарилось — это же принцесса! Удостоиться чести служить ей — величайшая удача!

Как раз когда Фэн Яояо была готова сдаться, за дверью зала раздалось:

— Седьмая принцесса прибывает!

Фэн Яояо, словно головастик, нашедший мать, или гоуцицзы, увидевший Му Цинмянь, резко обернулась, с волнением уставившись на входящую впереди всех фигуру.

И застыла в оцепенении.

Кроме «Ничего себе» в голове не осталось ни единой мысли.

...Как можно быть настолько прекрасной?! Она видела множество красавцев и красавиц по телевизору и в сети, в доме Фэн тоже было немало хорошеньких наложниц, но она даже представить не могла, что в мире существует кто-то столь ослепительный!

Платье ярчайшего алого цвета с золотой вышивкой по краям, несколько простых золотых

шпилек в волосах, а лицо... величественной, ослепительной красоты, черты, которые не смог бы создать и самый искусный мастер...

Фэн Яоя почувствовала, что, возможно, её душа уже покинула бренный мир.

И самое ужасное — эта потрясающая красавица была всего лишь девочкой лет одиннадцати-двенадцати, ещё не расцветшей полностью!

Фэн Яоя легко принимала самые невероятные вещи: когда-то она быстро поверила, что Янь Лян — скрытый великий мастер, а теперь без труда смирилась с тем, что её великий — Седьмая принцесса.

Она также знала, какую жизнь раньше вела принцесса — в голоде и холоде, что хорошо объясняло, почему Янь Лян выглядела на несколько лет младше.

Но! Никто не говорил ей, что Седьмая принцесса носила маску!

И уж тем более никто не предупреждал, что принцесса в полном облачении окажется настолько ослепительной!

Фэн Яоя готова была расплакаться.

Мир всё же судит по внешности, и, будучи истинным ценителем красоты, она могла умереть счастливой!

Янь Лян, взглянув на Фэн Яоя, поняла, что её новый подчинённый снова впал в экстаз. Она села на почётное место и спокойно посмотрела на Фэн Чанхая:

— Господин начальник округа, вы обдумали мою просьбу?

Фэн Чанхай поспешно ответил:

— Если Седьмая принцесса соблаговолит воспользоваться этим чиновником, это его величайшая честь!

Он подозвал слуг:

— Подайте то, что просила принцесса!

Янь Лян всегда действовала быстро. Ещё перед омовением она выдвинула Фэн Чанхаю требование: дать ей редкое лекарственное растение, произрастающее только в Тунчжоу и обладающее превосходными целебными свойствами.

Покидая дворец, она использовала предлог, что почувствовала зов покойной вдовствующей императрицы и желает лично добыть божественное лекарство для императора Цяньин.

Божественное лекарство она, конечно, могла раздобыть, слегка пообщавшись с Государственным наставником. Но всё же нужно было иметь что-то осязаемое.

Отсюда и её требование.

В конце концов, это растение было уникальным для Тунчжоу, в отличие от распространённых женьшеня или линчжи, которые выглядели бы несерьёзно. Но при этом оно обладало схожими укрепляющими свойствами, так что ошибки быть не могло.

<http://bllate.org/book/16273/1465187>